

Масаев М.В.

СИМВОЛИЗМ КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ДРЕВНЕГО МИРА В КОНТЕКСТЕ ПОСТИЖЕНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Основатель школы символического интеракционизма Джордж Герберт Мид (George Herbert Mead) (1863 – 1931) [1],[2],[3],[4],[5],[6] и его последователь середины прошлого века, представитель чикагской школы символического интеракционизма Тамотсу Шибутани (Tamotsu Shibutani) [7],[8] и иные представители как чикагской, так и айовской школ символического интеракционизма пришли к выводу, что, утратив такой регулятор поведения животных как инстинкты, люди вынуждены были создать в качестве искусственного регулятора своего поведения символы. Обратил внимание на это только украинский социолог В.М.Пича (В.М.Піча)[9, с.57]. Прочие же отечественные исследователи, как советские, так и российские и украинские, занимавшиеся изучением символического интеракционизма, обращали внимание на что угодно, только не на это. Даже назвавший символический интеракционизм «понимающей социологией» Л.Г.Ионин считал главным у Дж. Г. Миды открытие им Я [self] (я сам – М.М.) и разделение его на врожденное и малоподвижное I (я в именительном падеже – М.М.) и плод социального воздействия me (я в косвенных падежах – М.М.) [10, с.57]. Но человека отделяет от животного именно создание символов и использование их в качестве регулятора своего поведения среди себе подобных. Конечно, и у животных есть предпосылки символического поведения, но даже такого символического института как язык в его человеческом понимании животные не создали. Но выделившийся из животного мира человек не мог не стать существом символическим.

Вспомним древнеегипетского вельможу Синухета. Боясь гнева фараона, он бежит в Азию, где становится весьма удачливым полководцем, его окружают почести и богатство, но он... добивается разрешения вернуться в Египет. Во дворце фараона он лежит, распростершись ниц до тех пор, пока фараон не прощает его. "Стоило ли Синухету подвергать свою жизнь опасности, не зная, простит ли его фараон, стоило ли терпеть такие унижения? Ведь у Синухета было все: власть, слава, богатство", - сказал бы современный европеец или американец. "Наверное, человека к старости на родину потянуло?", - подумал бы, возможно, славянин. Но, скорее всего причина возвращения вельможи была иной: Синухет больше всего боялся, что после его смерти в Азии его тело не сумеет сохранить должным образом. А в Египте его обязательно мумифицируют и поместят в специально построенную гробницу. И тогда он сможет жить вечно. Но мумия – это не жизнь, а символ жизни. Но в символическом обществе древних людей, вышедших благодаря символам из животного мира, символ ценился весьма и весьма высоко. Веками и тысячелетиями величественно несет свои воды река Нил, строго в надлежащее время разливаясь и вновь возвращаясь в свое русло. От порогов до дельты Нила – одна и та же растительность. С востока на запад и с запада на восток дуют одни и те же ветры. Не потому ли древние египтяне так ценили постоянство, неизменность и устойчивость во всем? И стремились сделать свою жизнь похожей на плавное течение великой реки – без потрясений и крутых изменений. Об этом свидетельствуют древнеегипетские пирамиды – символ устойчивости и вечности. Увидев их, арабы воскликнули: «Все боится времени, а время боится пирамид!». И в самом деле, не всякая цивилизация может похвалиться тысячелетней историей. В сознании египтян рисовался образ мира, где все было подчинено идее постоянства, неизменности, вечности, непрерывной смене смертей и воскрешений, как в природе. И символом вечности этого мира стали пирамиды. Символом может стать любой знак или образ, включенный в определенную систему социальных (общественных отношений). В этой системе знаки и образы приобретают новые системные качества [11],[12] и становятся символами, которые кроме видимой структуры (знак, образ) приобретают структуру невидимую, подобно слову, имеющему по М.М.Маковскому, невидимую структуру [13, с.73]. Эта невидимая структура и есть сущность символа, взятая сама по себе. Явлением этой сущности является знак (образ). Единство невидимой и видимой структур и есть действительность (единство сущности самой по себе и ее явления) – действительностью символа, также как и «действительностью» «сущности человека» является, по К.Марксу, «совокупность всех общественных отношений» [14, с.3]. Если Г.В.Ф.Гегель и К.Маркс выделяют три сущностные категории: сущность, явление и действительность как единство сущности и явления, то армянский философ и симвоолог К.А.Свасьян добавляет четвертую, как единство трех предыдущих. Поэтому парадигмой символа у него и становится четырехгранник, тетраэдр [15, с.89]. Не случайно система символизма представлялась Андрею Белому в виде мировоззренческой пирамиды, гранями которой должны служить наука и религия, поэзия и естествознание, философия техники и философия искусства, познание и творчество. В вершине пирамиды, по мысли А.Белого, сойдутся монизмы: материализм, идеализм, рационализм, позитивизм, мистицизм, при этом модулирующей послужит история философии и культуры. [16, с.6]. И не случайно сходное по парадигме понятие символа дает, опираясь на И.В.Гёте, Г.В.Ф.Гегеля и Э.Кассирера К.А.Свасьян. [15],[17]. Трактую «видимую» и «невидимую» структуру символа как тезис и антитезис, добавив к этому синтез и единство этих трех ипостасей как отдельную ипостась, К.А.Свасьян дает в качестве пространственной парадигмы символа фигуру тетраэдра [15, с.189]. К такой же фигуре парадигмы символа можно прийти и, представив символ как единство его явления, сущности, действительности и единства всех его сущностных проявлений (сущности, явления, действительности). Тогда мировая система пирамид Н.Зятыкова во главе со священной горой Кайлас становится сугубо символической. [17],[18]. Такими же символическими становятся построенный

в 1870 г. архитектором А.А.Авдеевым Свято-Никольский храм на Братском кладбище Севастополя [20],[21],[22] и храм, построенный в 1960 г. в районе площади Трех властей города Бразилиа, ставшего в 1960 г. новой столицей самого большого латиноамериканского государства великим архитектором современности Оскаром Суарисом Филью Нимейером, и один из католических храмов в столице Бельгии Брюсселе. Все эти храмы имеют форму тетраэдра, той же египетской пирамиды.

Пирамида – один из символов Древнего мира. А было их , таких символов, великое множество. Символическими были и религии, и политика, и культура Древнего мира. В раболепном преклонении перед символами, в роли которых представляли правители со всеми возможными в то время формами насилия управлялось древнее общество. Символическим, жестко управляемым с помощью символов обществом, где все устремления людей подчинялись единой цели, было общество в Древнем Египте, в Древнем Китае, империи ацтеков и империи майя.[23]. Как считает российский философ А.А.Ивин, «большая часть человеческой истории занята коллективистическими обществами» [23], обществами, где преобладали интересы коллектива, а не личности. В древнем мире индивидуалистическое общество существовало лишь в античных Греции и Риме, а также в купеческой республике Карфаген. Но отрицательное влияние некоторых черт индивидуалистического общества привело к гибели Карфаген, независимые греческие государства, а затем и Римскую республику, уступившую свое место Римской империи. При этом заметим, что в индивидуалистических карфагенском, греческом и римском обществах роль символов, как жестких регуляторов общественного поведения была ниже, в коллективистических обществах символы стояли над людьми, порабощая их и помогая порабощать их во имя коллективных интересов общества символическим выразителям этих интересов в лице монархов. В индивидуалистических же обществах, где интересы личности ставились выше общих интересов малых и больших коллективов, общество управлялось не так жестко и жизнь там была подобно жизни несимволического первобытного стада.

Сразу же отметим большую жизнестойкость коллективистических обществ, которая проявилась уже в Древнем мире. Наметились сразу же и следующие дихотомии: коллективистическое общество – индивидуалистическое общество, общество с высокой регулирующей ролью символов – общество с низкой регулирующей ролью символов, все коллективистические общества были тоталитарными, а все индивидуалистические общества – демократическими. Все коллективистические государства были теллуократическими, а все немногие тогда индивидуалистические общества существовали в виде государств талассократических (Афинская республика, Римская республика, Карфагенская республика). Можно добавить сюда и дихотомию Запад – Восток (индивидуалистический Запад и коллективистический Восток, демократический Запад и тоталитарный Восток). Но вернёмся к коллективистическому обществу Древнего мира и его символизму.

Символизм коллективистического общества в эпоху аграрной цивилизации человечества был естественным, он возник из потребностей людей выделиться из животного мира и перейти от первобытного стада к родовому строю, а от него к цивилизации, к обществу, которое могло возникнуть и существовать лишь как коллективистическое.

Индивидуалистическое общество могло существовать в Древнем мире лишь у народов архетипа моря, создавших талассократические государства, жившими торговлей, морским разбоем и захватами на суше. Такие общества как менее жизнестойкие по сравнению с обществами коллективистическими или погибали в борьбе с более мощными коллективистическими теллуократическими государствами, либо перестраивались, как это случилось с римским обществом, трансформировавшимся из республиканского в монархическое. Возможное возражение, заключающееся в том, что римское государство возникло как коллективистическое (монархическое, тоталитарное и сугубо континентальное), не принимается. Да, континентальное римское государство было монархией, а не республикой, оно стало республикой благодаря талассократической традиции основателей династии первых римских царей – потомков изгнанного с родины троянского героя Энея, а укрепилась Римская республика именно в борьбе за господство на море, в борьбе за господство в Средиземноморье, а когда Рим стал бороться за господство не на море, а на суше, он и превратился из государства талассократического в государство теллуократическое, из общества индивидуалистического в общество коллективистическое, из республики в империю, из демократии в тоталитарное государство. И остановимся пока на том, что древнее общество было по преимуществу коллективистическим, а государства, организованные на индивидуалистических началах, имели временный, преходящий характер, будучи менее жизнестойкими по сравнению с государствами, основанными на коллективистических принципах. Причем главным регулятором отношений людей в древнем коллективистическом обществе были именно символы в отличие от животных, у которых главный регулятор поведения – инстинкты.

Таким образом, символы помогли людям выделиться из животного мира и создать первую, аграрную цивилизацию. При этом общество с помощью символов стало коллективистическим. Индивидуалистические же общества были лишь в немногих талассократических государствах, которые в силу слабого коллективистического начала оказались менее жизнеспособными и просуществовали сравнительно небольшое время.

Источники и литература

1. Mead G.H. The philosophy of the present. Chicago: London, 1932
2. Mead G.H. Mind, self and society. Chicago, 1934
3. Mead G.H. The philosophy of the act. Chiago, 1938
4. Mead G.H. Geist, Identitat und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus (hg. Von Ch. W. Morris), 1934

СИМВОЛИЗМ КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ДРЕВНЕГО МИРА В КОНТЕКСТЕ ПОСТИЖЕНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

5. Mead G.H. Geist, Identitat und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus (hg. Von Ch. W. Morris), 1947
6. Mead G.H. Geist, Identitat und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus (hg. Von Ch. W. Morris), 1968
7. Шибутани Т. Социальная психология. Перевод с английского В.Б. Ольшанского. Общая редакция и послесловие профессора Г.В. Осипова. – М.: «Прогресс». – 1969. – 536 с.
8. Шибутани Т. Социальная психология. Сокращенный перевод с английского В.Б. Ольшанского. – М.: Астана: Ростов-на-Дону: Феникс. – 1999. – 544 с.
9. Піча В. М. Соціологія: загальний курс. Навчальний посібник для студентів вищих закладів освіти України. – К.: «Каравела», - 2000. – 248 с.
10. Ионин Л.Г. Понимающая социология: историко-критический анализ. М.: Наука, - 1979. – 207 с.
11. Кузьмин В.П. Принципы системности в теории и методологии К.Маркса. – 3 – е изд., доп. – М.: Политиздат, 1986. – 398[1] с.
12. Розенталь М.М. Диалектика ленинского исследования империализма и революции. - М.: Мысль, 1976. – 520 с.
13. Маковский М.М. Язык – миф – культура: символы жизни и жизнь символов//Вопросы языкознания. – 1997. - №1. – С.73- 96
14. Маркс К. Тезисы о Фейербахе// Маркс К.,Энгельс Ф.Соч., 2- е изд. – Т.3. – С. 1 – 4.
15. Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии: (критика и анализ). - Ереван: АН Арм. ССР, 1980 – 226 с.
16. Белый А. Символизм как миропонимание/ Сост.,вступ.ст. и прим. Л.А.Сургай. – М.: Республика,1994. – 528 с.
17. Свасьян К.А. Философия символических форм Э.Кассирера: критический анализ. – 1989. – 237 с.
18. Зятыков Николай. Город Богов//Аргументы и факты. – 2000. - №19(1020). – май. – С.10
19. Мировая система пирамид//Аргументы и факты в Украине. – 2000. - №24(255). – июнь. – С.21
20. Новикова М.И. Святыни народов Крыма.- Симферополь: Таврия, 1991. - 72 с.
21. Масаев М.В. Храм во имя святого Николая//Крымская газета. – 1992. - № 124. 18 декабря. – С.3
22. Масаев М.В. Свято-Никольский храм Севастополя//Республика Крым. – 1992. - №36, декабрь
23. Ивин А.А. Введение в философию истории: Учеб. Пособие. – М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 1997. – 288 с.